КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КОРРУПЦИОННОГО ОБОГАЩЕНИЯ КАК ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ДОХОДАМИ И РАСХОДАМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Борков В.Н.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Омская академия МВД России (Россия), 644070, Россия, г. Омск, ул. Омская, д. 113, к. 98, borkovv@mail.ru

УДК 343
ББК 67.408.142

Цель. Исследование целесообразности и возможности дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение.

Методы. Проанализированы нормативные акты, направленные на предупреждение коррупции и устанавливающие обязанности государственных служащих предоставлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и сведения о расходах. Изучены статистические данные государственных органов и общественных организаций, мнение граждан, а также соотношение количества выявленных коррупционных нарушений, сумм незаконных бюджетных трат и установленных судами сумм материального ущерба от коррупционных преступлений, свидетельствующие о недостаточной эффективности существующих мер контроля над доходами и расходами должностных лиц. Исследованы конституционные основания возможности установления уголовной ответственности за незаконное обогащение.

Результаты. С учетом социальной обусловленности и реальной потребности в охране правоотношений, урегулированных антикоррупционным законодательством, сформулирована не противоречащая Конституции Российской Федерации и доктрине уголовного права норма об ответственности за коррупционное обогащение.

Новизна. Предложено новое решение двух основных проблем криминализации незаконного (коррупционного) обогащения в России. Авторский проект статьи исключает обязанность должностного лица доказывать законный характер своих доходов. Уголовная ответственность предусмотрена за невыполнение должностным лицом обязанности декларировать доходы или расходы в обстановке, когда его реальные активы превышают законные доходы в значительном размере. В сформулированной норме решена проблема деяния, которое в составе ст. 20 Конвенции ООН против коррупции фактически не предусмотрено. Автор предлагает установить уголовную ответственность, не «за значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы», а за невыполнение субъектом обязанности, вытекающей из антикоррупционного законодательства в обстановке такого значительного увеличения.

Ключевые слова: коррупция, сведения о доходах, сведения о расходах, незаконное обогащение.

CRIMINALIZATION OF CORRUPTING ENRICHMENT AS A LOGICAL CONTINUATION OF CONTROL OVER INCOME AND EXPENDITURE OF EXECUTIVES

Borkov V.N.

Candidate of Science, Assistant Professor, assistant professor of the criminal law department, Omsk Academy of MIA Russia (Russia), room 98, 113 Omskaya str., Omsk, Russia, borkovv@mail.ru

© Борков В.Н., 2014

Purpose. Research of practicability and possibilities of supplementation of the RF Criminal Code with the norm providing responsibility for illegal enrichment.

Methods. The author analyzed normative acts aimed at corruption prevention and establishing responsibilities of public executives to provide information on income, property and liabilities of material character and information about expenditure. The author studied statistical data of public power bodies and public organizations, citizens' opinion, correlation of quantity of the identified corruption violation, amount of illegal budgeting spending and sums of material damage

from corruption crime determined by courts and proving lack of effectiveness of the existing controlling measures over income and expenditure of executives. The author also studied constitutional bases of possibility to make it an offence for illegal enrichment.

Results. Taking into account social conditions and real demands in protection of legal relations regulated by the anticorruption legislation, the author formulated a legal norm about responsibility for corruption enrichment, which does not contradict to the RF Constitution and doctrine of criminal law.

Novelty. The author offers a new solution for two major problems of criminalization of illegal (corrupted) enrichment in Russia. The authorial project excludes responsibility of an executive to prove legal character of his income. Criminal liability is provided for non-commitment of the executive to declare his income or expenditure in the situation when his real assets exceed legal income enormously. In the formulated norm they solve the problem of a deed which within art. 29 of the UN Convention against corruption is formally not provided. The author proposes to determine criminal responsibility not for 'enormous increase of assets of a public executive exceeding his legal assets, but for non-commitment by the subject his responsibilities resulting from anticorruption legislation in the situation of such enormous increase.

Key words: corruption, information about income, information about expenditure, illegal enrichment.

Тотальный характер угрозы нормальному функционированию государства обусловил активное развитие антикоррупционного законодательства. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] установил основные принципы, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней. Определены обязанности государственных служащих предоставлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 8); сведения о расходах (ст. 8^1); уведомлять о склонении их к совершению коррупционных нарушений (ст. 9); предотвращать конфликт интересов (ст. 11), сформулированы ограничения, налагаемые на должностных лиц (ст. 12). Ограничения и запреты, связанные со службой, требования к служебному поведению служащих установлены в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79 «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [2]. Действует система нормативных актов, регулирующих порядок прохождения службы в различных органах власти. Сформированная нормативная база и острая социальная потребность в целенаправленной деятельности по пресечению объединения чиновников с физическими и юридическими лицами для расхищения бюджетных средств, средств государственных организаций позволяют заключить, что в противодействие коррупции претендует на роль самостоятельной функции государства. А любая функция государства только тогда чего-нибудь стоит, если ее осуществление защищено уголовно-правовыми средствами.

Не смотря на реализуемую государством политику в сфере противодействия коррупции, население и должностные лица не видят серьезных результатов этой деятельности. «По данным института социологии РАН (за июль 2011 года), 86% россиян считают, что антикоррупционные меры не улучшают ситуацию. В пресс-релизе Трансперенси Интернешнл, посвященном анализу уровня восприятия коррупции в России в 2011 г., позитивная динамика (2010 г. – 154 место, в 2011 г. – 143) объясняется «принятием Россией комплекса антикоррупционного законодательства, определяющего основные правовые параметры предотвращения коррупции в публичном секторе» [3]. Но следует согласиться с аналитиками Трансперенси Интернешнл в том, что не нужно «рассматривать полученный результат как повод считать, что дело сделано и в дальнейшем борьба с коррупцией в стране пойдёт сама собой… Только если все законы будут применяться согласно принципам неизбежности и неизбирательности, можно будет говорить о реальном изменении ситуации к лучшему» [3]. В России в 2012 г. по результатам проведения надзорных мероприятий прокурорами вскрыто 349 тыс. нарушений законов в области противодействия коррупции [4].

Важнейшую роль в обеспечении позитивных социальных эффектов от любых правоотношений, в том числе и урегулированных антикоррупционными нормами, играет уголовный закон. Между тем, его потенциал в предупреждении посягательств, совершаемых должностными лицами, не соответствует вызовам времени и характеру угроз. Уголовная ответственность должна наступать не только за нарушения недобросовестными чиновниками интересов конкретных граждан и организаций, но и при совершении ими общественно опасных посягательств на общественные отношения в сфере реализации государственной функции противодействия коррупции. В России устанавливаются ограничения, запреты и требования к служебному поведению, определяются обязанности, призванные исключить коррупционную мотивацию у должностных лиц, препятствовать их вовлечению в коррупционные отношения. Вместе с тем, достаточно злободневной остается проблема юридических

последствий очевидно коррупционного поведения. В результате проверок, проведенных Генеральной прокуратурой Российской Федерации, «…в 2010 году выявлено свыше 226 тысяч нарушений федерального законодательства в сфере противодействия коррупции, в том числе более 17 тысяч нарушений законодательства о государственной службе, к дисциплинарной ответственности были привлечены свыше 37 тысяч лиц, к административной – более 5,5 тысяч. Причем в основном нарушения законодательства о государственной службе из года в год носят достаточно типичный характер. Так, распространены случаи совмещения государственными служащими службы с занятием предпринимательской деятельностью. Причем нередко они воспринимают такое совмещение работ как способ ведения бизнеса и защиту от какого-либо давления или вмешательства» [5].

Согласно данным, приведенным в отчете о борьбе с коррупцией в 2011 году, который Генеральная Прокуратура направила в Государственную Думу, выявлено уже 312 330 нарушений закона. Это почти на 40% больше, чем в 2010 году. Показатель вырос так сильно из-за комплексных проверок деклараций чиновников, – объясняют в Генпрокуратуре. Рост числа правонарушений фиксировался и в других сферах, подверженных коррупционным рискам, говорится в отчете: нарушений при использовании госимущества выявлено больше на 21%, при размещении госзаказов – на 16% [6]. Вместе с тем, по результатам опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, 55 % россиян оценивают обязательное декларирование расходов чиновниками и депутатами как неэффективную меру в борьбе с коррупцией, 32 % – считают данную меру эффективной, 13 % затруднились ответить [7]. Полагаем, что наложение дисциплинарных взысканий и увольнение от должности не во всех случаях обеспечивают надлежащее осуществление государственной функции по противодействию коррупции. При наиболее опасном поведении воздействие должно быть уголовно-правовым.

Предпринимаемым коррупционерами мерам конспирации, усилиям, направленным на сокрытие своей преступной деятельности необходимо противопоставить новые подходы к конструированию уголовно-правовых запретов. Задача состоит в выявлении признаков, которые бы неопровержимо свидетельствовали о коррумпированности чиновника, о степени посягательства им на интересы общества, характерной для преступления. В качестве одного из вариантов уголовно-правовой борьбы с коррупцией выступает норма, предусматривающая ответственность за незаконное обогащение, основанная на косвенных признаках коррупции. 8 марта 2006 г. в Российской Федерации была ратифицирована Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., подписанной от имени Российской Федерации в городе Мерида (Мексика) 9 декабря 2003 г. [8]. В ст. 20 Конвенции содержится следующая рекомендация: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

А. Алексеев существо предполагаемых изменений образно представляет «…в разумном ограничении в интересах общества “суверенитета” и прав, а если называть вещи своими именами, – непомерного корыстолюбия и своеволия облеченных доверием общества лиц, развившиеся “хватательные” инстинкты которых стали подлинным национальным бедствием» [9, с. 4]. Вряд ли косметические меры способны изменить сложную криминологическую ситуацию. Полагаем не принесет ожидаемого эффекта реализация предложений состоящих в определении круга коррупционных преступлений и установлении за них более суровых, чем предусмотрены в настоящее время наказаний. Трудно поверить в эффективность предупредительного воздействия на коррупционера угрозы взыскания по решению суда имущества, законность приобретения которого не установлена. Уголовно-правовой инструментарий противодействия коррупции требует концептуального обновления. Основной аргумент противников установления уголовной ответственности за незаконное обогащение основан на необходимости соблюдения принципа презумпции невиновности, которому, якобы, противоречит вменение должностному лицу в обязанность обосновывать законность обогащения. Действительно в соответствии с ч. 2 ст. 49 Конституции РФ «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Это конституционное положение получило развитие в ч. 2 ст. 14 УПК РФ: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

Заметим, само по себе предложение должностному лицу в тексте уголовно-правового запрета обосновывать правомерность своего поведения выглядит несколько странно. Традиционно описание составов составляют только объективные и субъективные признаки преступлений. А «не может разумным образом обосновать» – это негативный признак, который ха-

рактеризует посткриминальное поведение. Возможно, эту оговорку следовало поместить в примечание к норме. Например, в соответствии с примечанием к ст. 151 УК РФ, если родители вовлекали несовершеннолетнего в бродяжничество вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, то к уголовной ответственности они не привлекаются. В нашей ситуации, напротив, жизнь у должностного лица «удалась». Получается, если чиновник сумел найти «оправдания» своим сверхдоходам, то он перед законом чист, а если нет, то будем привлекать его к ответственности. В исследуемом аспекте интересно уточнение М.В. Быкова: «Презумпция невиновности – это не какое-то абстрактное понятие. В уголовном судопроизводстве она начинает реально и конкретно действовать только с появлением в уголовном деле процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого» [10, с. 36].

Правильно считать, что любое правонарушение, тем более, преступление есть категория объективная. Наличие или отсутствие незаконного обогащения не может зависеть от объяснений коррумпированного должностного лица. При этом вне всяких сомнений, должны быть исследованы все обстоятельства дела. Чиновник, который обосновано был заподозрен в незаконном обогащении, должен иметь возможность представить доказательства того, что имущество нажито честно. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации: «презумпция невиновности, также как и право не свидетельствовать против самого себя, не исключает возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, – различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу» [11, с. 14].

Статья 49 Конституции РФ, и ст. 14 УПК РФ, в соответствии с которыми обвиняемый и подозреваемый не обязаны доказывать свою невиновность, не запрещают опрашивать данных участников судопроизводства. Пассивное поведение в процессе доказывания – это не обязанность, а право данных участников судопроизводства. При этом обвиняемый и подозреваемый не лишаются возможности представлять аргументы, указывающие на их непричастность или невиновность в совершении преступления, доказывающие или свидетельствующие о правомерном поведении. Известны случаи, когда общее право для отдельных категорий лиц перерастает в юридическую обязанность. Так, предупреждение и пресечение преступлений для обычных граждан является правом, а сотрудники правоохранительных органов это делать обязаны. Врачи обязаны оказывать медицинскую помощь больным. Иногда права граждан ограничиваются в связи с особым родом их деятельности. Например, государственным и муниципальным служащим запрещено заниматься предпринимательской деятельностью. Хотя право «…на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской…» деятельности (ст. 34 Конституции РФ), также как и право на признание презумпции невиновности гражданина является конституционным. Нормативные акты ряда других государств, регламентирующих порядок прохождения службы «…говорят о необходимости добровольного ограничения чиновника, отказа от некоторых прав и преимуществ по сравнению с рядовым гражданином» [12, с. 14].

Достаточно иллюстративна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой: «Конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию не исключает возможность закрепления в законе определенных требований к лицам, осуществляющим деятельность в органах государственной власти и местного самоуправления…

Гражданин Российской Федерации, пожелавший реализовать указанное конституционное право, добровольно принимает условия, ограничения и преимущества, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус, и выполняет соответствующие требования согласно установленной законом процедуре. Из этого вытекает, что запреты и ограничения, обусловленные специфическим статусом, который приобретает лицо, не могут рассматриваться как неправомерное ограничение конституционных прав этого лица. Данная правовая позиция неоднократно была выражена Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях» [13].

Практически невозможно заработать крупные суммы преподавательской, научной или творческой деятельностью. Источником несоразмерного официальным доходам увеличения фактически активов должностного лица может быть только торговля публичными полномочиями и соответствующим положением. По результатам опроса, проведенного 15–18 марта 2013 г. аналитическим центром «Левада-Центр», 13% респондентов считают, что если чиновник или депутат очень богат, то это нормально, 33% – неприлично и 44% считают, что это преступно. Затруднились с ответом 11% опрошенных [14]. Сверхприбыли чиновника порождает серьезные сомнения в том, что он не коррумпирован. Действующее процессуальное законодательство позволяет применять меры государственного принуждения к лицу, только заподозренному в совершении преступления, и к тому, чья вина, в общем,

доказана, но судом виновным он еще не признан.

Действительно, каждый человек изначально невиновен, недопустимо обвинять лицо в совершении преступления только потому, что отсутствуют доказательства его непричастности. Но при наличии фактических данных, свидетельствующих о совершении лицом преступления можно говорить о презумпции сомнения в его невиновности. Именно обнаружение признаков преступления обязывает следователей и представителей органов дознания принимать все необходимые меры по установлению события преступления и изобличению лица, виновного в его совершении (ст. 21 УПК РФ).

Нельзя презумпцию невиновности рассматривать в качестве преграды для привлечения к уголовной ответственности лиц, представляющих повышенную опасность для общества. Она выступает основой для создания процедурных гарантий от необоснованного преследования лиц, не совершавших преступления. Рассматривая проблему соотношения истины и процедуры в судопроизводстве, В.В. Лунеев пишет: «Давно известно, что процедура всемогуща. Она может способствовать решению самых сложных проблем или загубить поиск даже очевидной истины. Но как бы ни относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу» [15, с. 51]. Подобным образом процедура не должна быть препятствием для разработки новых подходов к криминализации общественно опасного поведения.

Возможно некоторые противоречия между ст. 20 Конвенции и принципами российского законодательства будут не так очевидны, если в диспозиции нормы не предлагать должностному лицу разумным образом обосновывать возникшую диспропорцию между его активами и законными доходами. Трудно возразить против уникальности состава, предусматривающего незаконное обогащение, но возведение в ранг признаков преступления возможности или невозможности субъекта прояснить те или иные обстоятельства квалифицируемого события является для нашего Уголовного закона революционным. Полагаем, сам факт значительного превышения реальных активов должностного лица над имеющими законное происхождение, свидетельствует о наличии признаков коррупционного поведения независимо от комментариев чиновника.

Важно отметить, что уголовная ответственность должна наступать не за сам по себе факт несоразмерности реальных и официальных доходов чиновника, а за его коррупционное поведение, которое привело к подобному дисбалансу. Конструируя уголовно-правовой запрет на незаконное обогащение нужно подчеркнуть, что оно стало следствием коррупционного поведения самого виновного, а не других лиц. Последний тезис показывает наличие еще одной серьезной проблемы, связанной с криминализацией незаконного обогащения. Это вопрос о релевантности, предлагаемой в Конвенции нормы, части 1 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которой преступление – это всегда деяние. В процессуальном законодательстве указывается, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию «…событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)» (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Незаконное обогащение состоит в значительном превышении фактических активов должностного лица над законными. Если для привлечения к ответственности за предлагаемое к криминализации посягательство будет необходимо устанавливать конкретные способы обогащения: эпизоды хищений, получения взяток, корыстных злоупотреблений и т.д., то дополнение УК РФ запретом на незаконное обогащение теряет смысл.

Проблему следует решать в рамках реализации концепции уголовно-правовой охраны общественных отношений возникающих в связи с осуществлением государственной политики в сфере противодействия коррупции. Нужно учитывать логическую связь, которая существует между законодательством о контроле над доходами и расходами должностных лиц и нормой, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение. Искомое преступное поведение может состоять в невыполнении обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством. Статья 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] обязала отдельные категории граждан предоставлять сведения о доходах. Эти сведения служащий предоставляет нанимателю (работодателю), который осуществляет их проверку как самостоятельно, так и посредствам правоохранительных или контролирующих органов. В качестве санкции за невыполнение служащим обязанности предоставлять сведения о доходах определено освобождение от замещаемой должности или увольнение (ч. 9 ст. 8). Полагаем, особого внимания заслуживает ситуация, когда незадекларированные реальные доходы значительно, а возможно и кратно превышают официальные. Очевидно, необходимо сформировать логическое продолжение нормы и реализовать пожелания, которые заложены в преамбуле. А в ней декларируется, что Законом «О противодействии коррупции» устанавливаются «…правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней…». Получается – основы созданы, а реальной борьбы нет.

Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [16] установлен порядок проверки сведений о расходах лиц подверженных риску коррупции,

определен механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, свидетельствующих о его приобретении на законные доходы. В соответствии со ст. 4 указанного Закона, подотчетное лицо обязано предоставлять сведения о своих расходах, которые превышают в три раза общий доход его и супруги (супруга) за три года. Если сделка совершена на сумму крупнее указанной и законность наличия у лица части средств не установлена, то имущество, приобретенное на «незаконные» доходы обращается в доход государства.

Указанные в Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» «контрольные» суммы могут выступить в качестве ориентира при описании признаков объективной стороны коррупционного обогащения. Как было показано выше, предоставляются сведения о расходах, превышающих общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три года. И если по какой-то части этой суммы не представлено доказательств подтверждающих законность дохода, она по заявлению прокурора решением суда обращается в доход государства, служащий может быть уволен. Считаем, что о преступном незаконном обогащении может свидетельствовать такая не получившая обоснования законности происхождения часть суммы сделки, которая превышает общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три года. Таким образом, в отличие от дисциплинарного проступка, применительно к преступлению, оставшаяся без объяснения законности происхождения часть суммы сделки, должна превышать всю, подлежащую в соответствии с законом контролю, сумму расходов. Подобный подход обеспечит требуемое различие между общественной вредностью дисциплинарного проступка к общественной опасностью преступления.

Учитывая, что контроль, как над доходами, так и над расходами преследует одну цель: недопущение и выявление незаконного обогащения лиц, служебная деятельность которых подразумевает возможность совершения коррупционных преступлений, подход к определению суммы преступного коррупционного обогащения должен быть одинаковым. Поэтому, представляется возможной следующая редакция нормы о коррупционном обогащении:

Статья. Коррупционное обогащение

1. Неисполнение лицом, предусмотренной федеральным законом, обязанности по предоставлению сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а равно предоставление заведомо ложных сведений в случае увеличения активов указанных лиц в сравнении с законными доходами в размере, превышающем общий доход такого лица и его супруги (супруга) по основному месту их службы (работы) за три года подряд, –…

2. Неисполнение лицом, предусмотренной федеральным законом, обязанности по предоставлению сведений о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а равно предоставление заведомо ложных сведений, касающихся совершения сделки по приобретению земельных участков и других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в случае если часть суммы сделки, законность обладания которой не установлена, превышает общий доход такого лица и его супруги (супруга) по основному месту их службы (работы) за три года подряд, –…

Таблица 1

Соотношение ущерба от коррупции с установленными суммами ущерба от должностных и экономических преступлений

Наименование показателей	Год	
	2011	2012
Количество коррупционных правонарушений, выявленное прокурорами (тыс) [18]	312	349
Сумма незаконных бюджетных трат и нарушений, выявленных Счетной палатой РФ (млрд рублей) [19]	718,5	781,4
Сумма материального ущерба, причиненного преступлениями, предусмотренными ст.ст. 285-293 УК РФ, установленная судом (Форма № 4) (млрд рублей)	0,324	0,323
Сумма материального ущерба, причиненного преступлениями, предусмотренными ст.ст. 169-204 УК РФ, установленная судом (Форма № 4) (млрд рублей)	7,960	3,164

Нужно признать, что далеко не все ученые и государственные деятели поддерживают идею криминализации незаконного обогащения в России, но реалии свидетельствуют о социальной обусловленности предлагаемой нормы. Комментируя итоги заседания Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г., Глава Администрации Президента РФ С. Иванов сообщил, что в первом полугодии 2013 года антикоррупционными подразделениями органов власти проведено свыше 130 тысяч проверок достоверности и полноты сведений о доходах в отношении муниципальных и государственных служащих. По итогам этих 130 тысяч проверок почти к 3000 служащих применены меры юридической ответственности. Из 3000 человек 200 служащих разных уровней уволены со службы в связи с утратой доверия [17]. Учитывая, что всего в России о доходах обязаны отчитываться 1,5 миллиона должностных лиц, количество уволенных, т.е. тех, кто действительно тем или иным образом скрыл свои доходы, должно превышать 2000 человек. Информация о суммах незадекларированных доходов отсутствует. Она была бы весьма интересна при анализе проблемы криминализации незаконного обогащения. Полагаем, что приведенные С. Ивановым цифры свидетельствуют о предпринимаемых отдельными должностными лицами мерах, направленных на сокрытие своих незаконных доходов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость разработки новых подходов к конструированию уголовно-правовых запретов. Статистические данные свидетельствуют о явно неадекватной уголовно-правовой реакции на причиняемый коррупцией ущерб обществу и государству (табл. 1).

Таким образом, при формулировании нормы о незаконном обогащении следует учитывать, что запреты, обусловленные специфическим статусом лица, не могут рассматриваться как неправомерное ограничение конституционных прав. Существенными признаками состава должны выступают особый статус виновного и результат его коррупционной деятельности, выразившийся в значительном превышении его фактических активов над законными. Деяние могло бы состоять в непредоставлении субъектом сведений о доходах или расходах либо предоставлении ложных сведений в обстановке значительного несоответствия его фактических и законных доходов. Подобную норму допустимо рассматривать как вынужденную реакцию государства на повышенную латентность и опасность корыстных должностных преступлений. Важно понимать, что оборотной стороной описываемых в данном составе «благоприятных» для чиновника последствий, является причинение им вреда публичному интересу. При этом величина суммы незаконно нажитых коррупционером материальных благ прямо пропорциональна размеру ущерба интересам личности, общества и государства.

Принимая решение об установлении уголовной ответственности за наиболее опасные нарушения антикоррупционого законодательства, важно понимать, что речь идет о случаях, когда административное реагирование по месту службы чиновника не может обеспечить охраны публичных отношений и необходимо применение мер уголовной репрессии.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.
2. О государственной гражданской службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79 (в ред. от 2 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Законы по борьбе с коррупцией приняты. Осталось заставить их работать [электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org.ru (дата обращения 01.12.2013)
4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2013 г. [электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-82413/ (дата обращения 30.04.2013)
5. Буксман А.Э. Установленный ущерб от коррупции в 2010 г. превысил 12 млрд руб. [электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/management/interview/document-65654/ (дата обращения 26.03.2012)
6. Дела о коррупции реже доходят до суда [электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1566735/vzyatki_v_sud_ne_idut (дата обращения 08.08.2012)
7. Поможет ли декларирование расходов чиновников – борьбе с коррупцией [электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1739. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111557 (дата обращения 13.02.2012)
8. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1231.
9. Алексеев А. Презумпции против коррупции // Законность. 2008. № 4. С. 2-8.
10. Быков В.М. Препятствует ли принцип презумпции невиновности борьбе с коррупцией? // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 35-37.

11. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.
12. Волженкин Б.В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб, 1998.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Королевой Александры Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьей 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 191-0 [электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx (дата обращения 12.11.2012)
14. 44% россиян: если чиновник богат – это преступно [электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/26-03-2013/44-rossiyan-esli-chinovnik-ili-deputat-bogat-eto-prestupno (дата обращения: 24.05.2013).
15. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 42-55.
16. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их дохода: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2012. 3 декабря.
17. Комментарий Сергея Иванова по итогам заседания Света по противодействию коррупции [электронный ресурс]. URL: http://state.kremlin.ru/face/19520 (дата обращения 02.11.2013)
18. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2013 г. [электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-82413/ (дата обращения 30.04.2013); Доклад на заседании Совета Федерации Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и работе по их укреплению за 2011 г. [электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-76185/ (дата обращения 30.04.2013)
19. Счетная плата не досчиталась в бюджете 700 млрд рублей. [электронный ресурс]. URL: http://www.izvestia.ru/news/511590 (дата обращения 18.05.2012); Тезисы выступления С.В. Степашина на пленарном заседании Государственной Думы по отчету о работе Счетной палаты в 2012 году (15 февраля 2013 года). [электронный ресурс]. URL: http://www.ach.gov.ru/ru/chairman/?id=1044 (дата обращения 04.05.2013)

References:

1. On actions against corruption: Federal law dated December 25, 2008. № 273-FZ (as revised December 28, 2013) // Sobraniye zakonodatelstva RF. 2008. № 52. Art. 6228.
2. On public civil service in the RF: Federal law dated July 27, 2004. № 273-ФЗ (as revised December 28, 2013) // // Sobraniye zakonodatelstva. 2008. № 52. Art. 6228.
3. Laws on fighting with corruption are adopted. It is necessary to make them work [e-resource]. URL: http://www.transparency.org.ru (date of reference 01.12.2013)
4. Report of the RF General Procurator Yu.Ya. Chaika at the Federation Council meeting of the federal Assembly of the Russian Federation dated April 27, 2013 [e-resource]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-82413/ (date of reference 30.04.2013)
5. Buksman A.E. Specified damage from corruption in 2010 exceeded 12 billion rbl. [e-resource]. URL: http://genproc.gov.ru/management/interview/document-65654/ (date of reference 26.03.2012)
6. Cases on corruption do not often get to the court [e-resource]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1566735/vzyatki_v_sud_ne_idut (date of reference 08.08.2012)
7. Will declaration of executives' expenditure help to fight with corruption [e-resource] // VTsIOM. Press-issue № 1739. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111557 (date of reference 13.02.2012)
8. On ratification of the UN Convention against corruption: Federal law dated March 8, 2006. № 40-FZ // Sobraniye zakonodatelstva RF. 2006. № 12. Art. 1231.
9. Alekseyev A. Presumptions against corruption // Zakonnost. 2008. № 4. P. 2-8.
10. Bykov V.M. Does the principle of innocence presumption prevent from the fighting with corruption? // Rossiyskaya yustitsiya. 2011. № 11. P. 35-37.
11. On refusal to admit to examination a query of Cherkessk city court of Karatchay-Cherkes Republic on examination of constitutionality of point 2 fourth part article 46 and point 3 part four article 47 of the Criminal-processing code of the RF: Decision of the Constitutional Court of the RF dated December 16, 2004. № 448-O // Vestnik Konstituitsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2005. № 3.

12. Volzhenkin B.V. Corruption: Series “Modern standards in criminal law and criminal process”. StPetersb., 1998.
13. On refusal to admit to examination a query by citizen Korolyova Aleksandra Evgenyevna for violation of her constitutional rights by article 13 of the RF Law “On the status of judges in the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the RF dated July 18, 2006 № 191-0 [e-resource]. URL: http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx (date of reference 12.11.2012)
14. 44% of the Russians: if an executive is rich – it is criminal [e-resource]. URL: http://www.levada.ru/26-03-2013/44-rossiyan-esli-chinovnik-ili-deputat-bogat-eto-prestupno (date of reference: 24.05.2013).
15. Luneyev V.V. Problems of juridical sciences of a criminal cycle // Gosudarstvo I pravo. 2007. № 5. P. 42-55.
16. On control for correspondence of expenses of people, substituting public jobs, and other people and their income: Federal law dated December 3, 2012 № 230-FZ // Rossiyskaya gazeta. December 3, 2012.
17. Sergey Ivanov’s commentaries on the results of the meeting of the Soviet on anti-corruption [e-resource]. URL: http://state.kremlin.ru/face/19520 (date of reference 02.11.2013)
18. Report of the General procurator of the RF Yu.Ya. Chaika on conditions of legality and law order in the RF and their actions on strengthening for 2011 [e-resource]. URL: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-76185/ (date of reference 30.04.2013)
19. Audit Chamber came up short in the budget 700 billion roubles. [e-resource]. URL: http://www.izvestia.ru/news/511590 (date of reference 18.05.2012); Theses of S.V. Stepashin’s speech at the plenary meeting of the State Duma on the report about work of the Audit Chamber in 2012 (February 15, 2013). [e-resource]. URL: http://www.ach.gov.ru/ru/chairman/?id=1044 (date of reference 04.05.2013)